

На правах рукописи

ДАНИЛОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**

Специальность 5.6.4 — Этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2022

Диссертация выполнена в Центре Арктических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель:

Головнёв Андрей Владимирович, чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты:

Мартынова Елена Петровна, д.и.н., профессор кафедры истории и археологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула)

Пивнева Елена Анатольевна, к.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Севера и Сибири, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (г. Москва)

Защита диссертации состоится «22» декабря 2022 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета 24.1.169.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Т. С. Киссер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Исследование прикладных проектов, направленных на решение актуальных вопросов, — одна из задач современной этнологии как практической гуманитарной дисциплины. Большое значение имеет изучение практики применения уже известных методов и механизмов принятия управленческих решений, которые предлагает этнологическая экспертиза.

С конца 2018 г. этнологическая экспертиза официально признана одним из инструментов реализации государственной национальной политики (Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703). В этой связи исследование этнологических экспертиз, как эффективного инструмента регулирования, имеет практическую направленность и актуально в связи с необходимостью поиска продуктивных форм взаимодействия местных сообществ и администрации; определения действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями; решения миграционных вопросов и др.

Диссертационное исследование ориентировано на осмысление социальной роли науки и на осознание того, что представители научного сообщества несут ответственность за управленческие решения, принятые властными структурами на основании сделанных ими научных экспертиз. Аналитика проведенных экспертных работ, включающая изучение накопленного опыта, научных основ и методологических подходов, является необходимым условием дальнейшего успешного развития процедуры этнологической экспертизы. В этом же контексте важно представление аналогичной зарубежной практики оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA).

Изучение опыта проведения этнологических экспертных исследований на территории Российского Севера и Сибири с целью последующей трансляции в более широких географических и тематических рамках важно для развития современных методов этнографии и инструментария этнолога-эксперта. Высокая степень практической востребованности результатов, которые могут служить матрицей для поиска решений в ситуациях индустриального освоения регионов, а также важность материалов самих экспертиз как исторического источника дополняют актуальность диссертационного сочинения.

Объектом работы является совокупность прикладных этнологических исследований (экспертиз), проведенных на Российском Севере и в Сибири в постсоветское время.

Предмет исследования — источники, методы, сценарии, действующие лица этнологических экспертиз от заказа до исполнения, от замысла до реализации.

Цель исследования — выявление и систематизация на основе комплексного анализа ряда этнологических экспертиз постсоветского времени методов и технологий быстрого научного реагирования на проблемные ситуации, несущие в себе риски для этнических сообществ. В фокусе исследования — разработка сводного алгоритма этнологической экспертизы для ее дальнейшего использования и совершенствования.

Для реализации поставленной цели определены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть историю отечественных этноэкспертиз от ситуативного востребования до формирования современных концепций и подходов;
- 2) систематизировать различные методологические подходы к проведению этноэкспертиз и охарактеризовать их принципиальные особенности;
- 3) представить сопоставимый зарубежный экспертный опыт в контексте оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA);
- 4) проанализировать конкретные исследовательские стратегии, сделав акцент на действующих лицах и заинтересованных сторонах, источниках и методах, диагностике и рекомендациях;
- 5) обобщить персональный исследовательский опыт автора при проведении экспертиз конфликтных ситуаций в сфере этнокультурного наследия (по материалам ХМАО — Югры);
- 6) показать роль эксперта как ключевой фигуры, определяющей содержание и качество экспертизы в соответствии с его профессиональными компетенциями и этическими ориентирами.

Хронологические рамки. Исследование сфокусировано на опытах этнологической экспертизы постсоветского периода (1990-е гг. — настоящее время). Специфика этой эпохи обусловлена актуализацией этнокультурного наследия и поиском адекватных форм сочетания фундаментальных и прикладных исследований в предметной области этнологии, формированием разнообразных подходов и концепций проведения этнологических экспертиз. Изучение темы в рамках указанного периода позволяет рассмотреть исследовательские стратегии, связанные с освоением разнообразных источников и методов и появлением новых нормативно-правовых актов. В ряде случаев допускается выход за обозначенный хронологический рубеж. Так, для иллюстрации отдельных сюжетов и описания предыстории этноэкспертизы привлекаются релевантные сведения из истории отечественной этнографии.

Географические (территориальные) рамки. В диссертационном исследовании анализируются этнологические экспертизы, проведенные на Российском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Эта территория, в силу небесконфликтного сочетания двух факторов — ускоренного промышленно-транспортного освоения ресурсов и особого статуса коренных малочисленных народов Севера — стала методическим полигоном по отработке правил этноэкспертизы в России.

Методология и методы исследования. В качестве теоретической базы использовались научные разработки российских и зарубежных ученых в области этнологии. Исследование имеет ярко выраженное практическое назначение, однако автор, вслед за А. В. Головнёвым, не разделяет фундаментальную и прикладную науку, поскольку, «жизнеспособная теория рождается из жизни (практики) и возвращается в нее»¹. В самом названии диссертации указано, что этнологическая экспертиза рассматривается «в теории и практике» науки. Такой подход характерен для *Новой этнографии*, складывающейся в постсоветском пространстве в ответ на вызовы современности. Характерным для *Новой этнографии* является работа в

¹ Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1(11). С. 8.

диалоге исследователей и исследуемых, синтез фундаментальных и прикладных изысканий, изучение не столько вчерашних традиций, сколько сегодняшнего этнокультурного потенциала с применением новейших средств визуализации и цифровизации, развитие киберэтнографии.

Основным принципом методологического выбора является мультиметодологичность — ситуативно адекватное применение различных методов к соответствующим исследуемым предметно-объектным областям. Выбор конкретного метода зависел от характера деятельности и этапа исследования. Так, при написании первой главы применялись такие исторические методы как ретроспективный и типологический (распределение совокупности изучаемых явлений на качественно определенные типы на основе присущих им общих существенных признаков). Для решения задач второй главы использованы метод синхронизации (при изучении различных этноэкспертиз, происходящих в разных местах в относительно ограниченный период времени), сравнительно-исторический (для выявления сущности изучаемых явлений по сходству и различию присущих им свойств), актуализации (для прогнозирования вероятного развития ситуации), контент-анализ (для исследования содержания текстовых массивов). Третья глава выстроена преимущественно на полевых материалах.

Вся система методов, которая использовалась в процессе решения конкретных задач подчинена единым принципам историзма и системности. Принцип историзма позволил рассмотреть этнологическую экспертизу как процесс, с одной стороны — от ее истоков до развития современных тенденций, с другой — сама экспертиза рассматривалась в развитии: от заказа до исполнения. Системный (комплексный) подход применялся для того, чтобы представить этнологическую экспертизу как сложную, но единую систему, состоящую из крупных компонентов-подсистем (взаимодействующие стороны, источники, методы, диагностика, рекомендации), которые в свою очередь подразделяются на более узкие составляющие (коренные народы, органы власти, научное сообщество, промышленные компании, статистические данные, общественные слушания и т. д.), каждая из которых являются объектом исследования различных отраслей научного знания.

Для научного исследования конкретных случаев, какими выступают проведенные этнологические экспертизы, удобна исследовательская стратегия *кейс-стади* (англ. *case study* — анализ случая), подразумевающая детальный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного случая, ограниченного в пространстве и времени. Использование этой стратегии предполагает выбор небольшого количества случаев для исследования: полное изучение одного кейса может дать гораздо больше информации об особенностях функционирования изучаемого феномена в целом, чем большее количество с менее детальным анализом. При этом, чтобы показать специфику феномена этнологической экспертизы и раскрыть его многогранность, исследование вписано в более широкий историко-социальный контекст.

Полевые методы исследования. Для иллюстрации отдельных сюжетов автор привлекает собственные полевые материалы, собранные посредством кратковременных и долгосрочных выездов, как в составе междисциплинарных рабочих групп, так и в индивидуальных поездках. Значительную роль сыграл опыт

участия автора в ряде историко-культурных экспертиз среди коренных народов Северо-Западной Сибири.

Основной массив информации был собран в Сургутском (п. Салым, с. Лемпино, д. Юган, с. Угут, рр. Большой Юган и Салым) и Нижневартовском (г. Нижневартовск, г. Покачи, г. Радужный, п. Варьеган, п. Аган, п. Корлики, рр. Аган и Вах) районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также в Кольском (с. Териберка), Ловозерском (с. Ловозеро, с. Краснощелье, р. Йоконьга) и Терском (пгт. Умба) районах Мурманской области — именно здесь проходили долгосрочные экспедиции. Кратковременные выезды выполнялись для наблюдения или участия в конкретных событиях, например, «рабочих» собраниях или общественных слушаниях.

Во время экспедиций использовался как основной этнографический метод — включенное наблюдение, который позволяет проводить исследование индивидов и сообществ в их естественной среде и повседневных жизненных обстоятельствах, так и формализованные методы сбора информации, такие как анкетирование, интервью по заранее подготовленному опроснику, картографирование. Полевые исследования дополнены приемами киберэтнографии, которые включали контент-анализ сетевого дискурса по интересующим вопросам, проведение интернет-анкетирования.

Все экспедиционные работы сопровождались записями и последующим составлением отчета о полевых исследованиях, включающим с одной стороны «чистые тексты», с другой — интерпретацию значений (К. Гирц).

Понятие этнологической экспертизы

В диссертационном сочинении центральным является понятие этнологической экспертизы. Одно из первых определений было сформулировано В. В. Степановым, который предлагал именовать ее этноэкологической: «комплекс стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности. Под этносоциальными последствиями управления понимаются любые административные решения, которые воздействуют на этнокультурную среду и население»². К. Б. Клоков сужает понятие этноэкологической экспертизы до специального вида работ по оценке воздействия на окружающую среду и считает ее составной частью или ядром более широкого понятия этнологической экспертизы, в рамках которой, кроме проблем традиционного природопользования, рассматриваются и социально-культурные вопросы этнического развития³. А. Н. Ямсков предлагает именовать этнологическую экспертизу социально-этнологической, приводя два довода: во-первых, именно социальной экспертизой именуют свои результаты труда специалисты Всемирного Банка; во-вторых «предложенный термин, акцентируя социальные аспекты экспертизы, помогает уйти от ненужной “этнизации” этой процедуры, поскольку в подавляющем большинстве случаев объектом изучения и прогнозируемого воздействия являются отнюдь не этносы или этнические общности и не их этническое

² Степанов В. В. Теория этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 61.

³ Клоков К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово, 2013. С. 97.

самосознание, а группы населения, обладающие определенным культурным своеобразием, или социально-культурные общности, и их современная культура и социальная организация»⁴.

Официальное определение содержится в ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ г.: «этнологическая экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса»⁵. Такое же определение использовано в региональном законодательстве Республики Саха (Якутия)⁶.

О. А. Мурашко раскрывает содержание этнологической экспертизы как систему действий, которые необходимы при осуществлении проектов промышленного освоения территорий проживания коренного и местного населения: «1. Оценка воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на традиционный образ жизни и среду обитания коренного и местного населения — процесс, включающий предпроектные научные исследования основных характеристик традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов и этнических общностей, находящихся в зоне влияния намечаемой хозяйственной и иной деятельности, определение возможных негативных последствий этого влияния, учет общественного мнения и традиционных знаний, разработка мер по уменьшению и предотвращению негативных последствий. 2. Этноэкологический мониторинг — перманентный процесс, сопровождающий реализацию хозяйственной и иной деятельности в целях оценки ее соответствия проектной документации, воздействия и предотвращения негативного влияния этой деятельности на традиционный образ жизни и исконную среду обитания коренного и местного населения в условиях взаимодействия этого населения и организаций, осуществляющих реализацию хозяйственной и иной деятельности»⁷.

А. Н. Садовой предлагает следующее определение: «этнологическая экспертиза — научное исследование в области прикладной антропологии, направленное на выявление текущих этнодемографических, социально-экономических, этнополитических процессов, сложившихся форм этнической самоорганизации и предпринимательства; определение степени обоснованности проектов и программ развития в районах проживания, землепользования, использования природных ресурсов этнических меньшинств; составление прогноза краткосрочных и среднесрочных этносоциальных последствий принимаемых управленческих решений»⁸.

⁴ Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. М., 2006. С. 11.

⁵ Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения: 20.02.2022).

⁶ Закон республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 г. № 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/895252453> (дата обращения: 20.02.2022).

⁷ См.: Мурашко О. О. Что такое «этнологическая экспертиза» в России // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Научно-информационный бюллетень. М., 2006. Вып. 4. Октябрь. С. 112–123.

⁸ Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири:

В 2014 г. на Ученом совете ИЭА РАН утверждено следующее определение: «этнологическая экспертиза — прикладное научное исследование, проводимое специалистами в области этнологии и социально-культурной антропологии в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов с целью определения возможных воздействий и связанных с ними этнокультурных и социально-экономических последствий намечаемой или осуществляемой хозяйственной и иной деятельности»⁹.

В проекте закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации», который должен был вступить в силу в январе 2019 г. предлагалось следующее определение: «этнологическая экспертиза — оценка социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации»¹⁰.

Разнообразие определений свидетельствует о том, что в отечественном научном дискурсе не сложилось единого мнения по этому вопросу. С одной стороны, отсутствие фиксированной формулировки позволяет ученым раскрывать ее содержание в зависимости от своей исследовательской стратегии, с другой — порождает путаницу, поскольку дает возможность понимать под ней неопределенное количество разнообразных прикладных работ.

В нашем понимании этнологическая экспертиза — это научная оценка состояния этнической общности и предполагаемых последствий воздействия на нее внешних факторов, данная в результате специального исследования по административному или общественному запросу¹¹.

В зарубежной исследовательской практике для обозначения процесса понимания того, как человеческие сообщества изменяются / могут измениться в результате предполагаемых или непреднамеренных управленческих действий, чаще всего используется термин «оценка социального воздействия» (Social Impact Assessment, SIA). Также встречаются термины «социальный анализ» (Social Analysis), «оценка воздействия на права человека» (Human Rights Impact Assessment, HRIA), «социально-экономическое воздействие» (Socio-economic Impacts) и др. Ф. Ванклей приводит 153 термина, обозначающих похожие процессы или включающие их в качестве составной части¹².

Степень изученности темы. В отечественной этнологической мысли феномен этнологической экспертизы находится на начальной стадии научного осмысления. Комплексных работ, посвященных всестороннему ее изучению, пока не написано. В то же время в ведущих научных центрах страны сформировались научно-исследовательские коллективы, которые обладают практическим опытом проведения

механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово, 2013. С. 76.

⁹ Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 126.

¹⁰ Проект Федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/p/77915> (дата обращения: 20.01.2020).

¹¹ См. Головнёв А. В., Данилова Е. Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.

¹² Vanclay F. The Triple Bottom Line and Impact Assessment: How do TBL, EIA, SIA, SEA and EMS relate to each other? // Journal of Environmental Assessment Policy and Management. 2004. Vol. 6, № 3. P. 274–275.

этноэкспертизы, разрабатывают ее методологические основы и публикуют статьи, посвященные отдельным ее аспектам.

Тема этнологической экспертизы активно обсуждается в рамках различных конференций, симпозиумов, конгрессов по результатам которых выходят научные статьи, коллективные монографии, сборники (Томск, 2007; Кемерово, 2012; Москва, 2013; Новосибирск, 2014; Екатеринбург, 2015; Ижевск, 2017; Казань, 2019; Якутск, 2020; Томск, 2021). Обсуждения и дискуссии проходят и на площадках научных журналов (Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1 (41); № 2 (42); Этнографическое обозрение. 2018. № 4; 2019. № 6).

Одной из первых работ по теоретико-методологическим аспектам этнологической экспертизы стала книга «Методы этноэкологической экспертизы» (1999 г.; под ред. В. В. Степанова), в которой авторы, опираясь на свой опыт, пишут о том, как нужно проводить экспертизу и почему она необходима. Позднее В. В. Степановым была опубликована статья «Этнологическая экспертиза» (2002), в которой он предлагал для теоретических построений создать банк данных и карты по этнографической изученности регионов России и исследовать не отдельные категории людей, а население в целом, что остается актуальным и сегодня.

В дискурсе юридической антропологии, в качестве особого вида прикладных исследований рассматривает этноэкспертизу Н. И. Новикова. Изучая ее как механизм взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и коренных малочисленных народов Севера, она исследует правовые основания, международные стандарты и региональные практики ее проведения, возможности практического применения в России международного принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на решения, затрагивающие их интересы и возможности для социального диалога бизнеса и коренных народов, анализирует особенности полевых исследований, пишет о перспективах развития экспертизы.

Д. А. Функ посвятил серию работ представлению основных определений и видов этнологических экспертиз в России, а также рассмотрению содержания отдельных примеров такого рода работ и выявлению основных характеристик российской экспертной практики. Говоря о возможных перспективах ее развития, он по сути сообщает о методологическом кризисе отечественной практики прикладной антропологии и призывает обратиться к международному опыту оценки социального воздействия. К анализу зарубежного опыта и возможностям применения методов SIA в России обращаются и другие исследователи. Обсуждаемые вопросы международного контекста этноэкспертизы различны: от вовлеченности антропологов в процесс оценки (С. О. Ковальский) до мониторинга по типу зарубежных практик (В. В. Поддубиков) и оценки стратегических, преимущественно государственных, проектов и программ (Ю. В. Рожкова); политика Всемирного Банка в отношении коренных народов и общий обзор зарубежных прикладных исследований (А. Н. Ямсков).

Опубликована серия статей с авторским пониманием процесса экспертизы или отдельных ее частей: о предметном поле этноэкспертиз (А. Н. Садовой), о перспективах развития экспертизы и ее месте в мировом контексте (О. А. Мурашко),

о том, что она является правовым заключением, основанном на научном исследовании (А. Г. Новожилов).

Отдельным циклом могут быть представлены статьи и главы в монографиях, содержащие информацию о практиках проведения экспертных исследований в различных регионах России и публикация самих экспертиз. Делая акцент на опыте, авторы в большей или меньшей степени анализируют и предыдущие практики, а в ряде случаев рассуждают о разных аспектах экспертизы: ЯНАО (А. В. Головнёв, Е. П. Мартынова); ХМАО — Югра (В. Н. Адаев); Кемеровская область (В. В. Поддубиков); Сахалин (Т. П. Роон, Н. А. Мамонтова); Бурятия (С. Г. Шапхаев).

Ряд статей посвящен различным аспектам этнологической экспертизы в Якутии, в них рассматриваются: политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов и региональный закон (А. Н. Слепцов; В. И. Шадрин; Н. И. Новикова); общность и различие экологического аудита и этнологической экспертизы в управлении природопользованием (И. М. Потравный, В. О. Баглаева); вопросы оценки воздействия намечаемой деятельности на окружающую среду как важного элемента процедуры этнологической экспертизы (И. М. Потравный, О. А. Кривошапкина); методика оценки воздействия (В. В. Величенко); возникающие в процессе проведения экспертизы проблемы (Т. С. Мостахова, А. А. Пахомов), первый опыт этнологической экспертизы применительно к проектированию и строительству объектов энергетики (И. М. Потравный) и множество других вопросов (В. И. Шадрин, Е. Н. Романова, Е. К. Алексеева). Также публикуются материалы, полученные во время самих экспертиз или систематизированные на их основе данные (А. Е. Томаска, В. Б. Игнатьева, И. С. Астахова).

Стоит отметить также ряд работ, связанных не напрямую, но имеющих отношение к предметной области исследования, например, общетеоретические (В. А. Тишков, С. В. Соколовский), об участии экспертов-этнологов в сфере государственной политики по этническим вопросам (В. А. Тишков, В. В. Степанов), о взаимодействии коренных народов и промышленных компаний (Ю. В. Попков), о статусе и идентичности коренных малочисленных народов (Е. А. Пивнева), аналитические работы, посвященные развитию прикладных исследований (Н. А. Лопуленко, Т. В. Уварова). Отдельные вопросы этноэкспертизы освещаются в работах ученых разной специализации (В. А. Кряжков, Ю. Я. Якель, М. Ш. Тельхигова, С. А. Тулаева, С. Х. Хакназаров).

Таким образом, анализ историографии свидетельствует о чрезвычайной актуальности и многогранности проблемы и одновременно о достаточно большом количестве еще не исследованных аспектов, в том числе комплексного анализа.

Источниковая база. Исследование опирается на репрезентативное сочетание комплекса источников: материалы этнологических экспертиз и отчетов о научно-исследовательской работе, полевые этнографические материалы, законодательные и нормативные акты, данные периодической печати и интернет-ресурсы.

Основным источником в подготовке диссертационного сочинения стали материалы восьми опубликованных этнологических экспертиз (ЯНАО 2002; 2011; 2012; 2013; Кемеровская область 2004; 2005–2006 гг.; Приморский край 2010;

Красноярский край 2021). В дополнение к ним привлекаются данные частично опубликованных экспертных работ, отчеты о научно-исследовательской работе.

При написании первой главы диссертации проанализированы сто шесть опубликованных докладных записок, составленных в период с середины 1950-х до начала 1990-х гг. по результатам поездок этнографов-североведов. Записки составлялись ежегодно и направлялись в директивные органы для осведомления о положении дел на Севере; они носили закрытый характер и предназначались только для служебного пользования.

Этнографические источники представлены полевыми материалами, собранными автором во время экспертной работы на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. К ним относятся данные, полученные в процессе проведения историко-культурных экспертиз (р. Аган, 2019 г.) и оценок историко-культурных ресурсов территорий (р. Аган, 2015 г., р. Большой Юган, 2017–2018 гг.), участия в общественных слушаниях (с. Варьеган, 2016 г.) и «рабочих» собраниях (п. Угут, 2017–2018; г. Ханты-Мансийск, 2018 г.). Дополнением к ним являются полевые материалы автора, которые включают описания, зарисовки, фотографии, тексты устных сообщений информантов, аудиозаписи, собранные во время этнографических экспедиций среди хантов рр. Аган, Вах, Большой Юган, Салым, лесных ненцев р. Аган, коми-ижемцев и саамов Кольского полуострова (2002–2020 гг.).

Законодательные и нормативные источники представлены международными, федеральными и региональными документами в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ; документами по сохранению культурного наследия; нормативно-правовыми актами, регулирующими проведение экологической, этнологической и историко-культурной экспертиз; материалами парламентских и общественных слушаний; указами президента.

Отдельной категорией источников являются данные периодической печати и интернет-ресурсы, например, официальные сайты региональных правительств и общественных организаций.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении этнологической экспертизы в широком историко-социальном контексте. Впервые систематизированы опыты, методы и технологии этнологической экспертизы постсоветской эпохи. Разработан сводный алгоритм этнологической экспертизы в целях ее дальнейшего использования и совершенствования.

В диссертационном сочинении раскрываются тренды отечественной этноэкспертизы, включая определение основных концепций и подходов ее проведения. Новым является рассмотрение таких вопросов, как (1) применение уже известных методов и механизмов принятия управленческих решений в отечественном и зарубежном контекстах; (2) оценка потенциала этноэкспертизы как научно-практического инструментария проведения прикладных исследований; (3) роль этнолога как эксперта в подготовке решения конкретной жизненно важной для этнического сообщества проблемы; (4) составление навигационной схемы экспертизы.

Представляя экспертизу как площадку научного поиска, разработки новых исследовательских методов и стратегий, выполненная работа может служить матрицей для выбора инструментария в заданных ситуациях.

Исследование дает ключ к новому пониманию актуальных проблем современности, включая такие сюжеты как (а) поиск конструктивных механизмов взаимодействия местных сообществ и администрации; (б) определение действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; (в) разрешение конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями; (г) анализ и мониторинг миграционных процессов и др.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изучение опыта этнологической экспертизы в России имеет большое значение для науки и для общества. Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут служить основой для формирования концепта этноэкспертизы, с одной стороны, как технологии быстрого научного реагирования на проблемные ситуации, с другой — как особого метода или инструмента получения нового знания.

Работа направлена на исследование актуальной и социально востребованной темы в сфере практического применения этнологических знаний и важна для выработки конструктивных решений в вопросах взаимодействия государства и общества, в том числе механизмов государственной национальной политики. Она может быть использована в процессе законотворчества, в том числе при разработке федерального закона «Об этнологической экспертизе».

Обобщения и выводы, сформулированные в работе, будут востребованы в сферах образования и просвещения, охраны культурного наследия и региональной политики. В частности, они могут быть использованы для проведения и дальнейшего совершенствования процедуры этнологической экспертизы, в поиске элементов конструктивного сотрудничества ученых, политиков, представителей промышленных компаний, этнических сообществ. В практике управления отдельными территориями — для выработки стратегии регионального развития в сфере этнокультурного взаимодействия, национальной политики, обеспечения безопасности в области межнациональных отношений, решении вопросов сохранения и популяризации этнокультурного наследия.

Материалы диссертационного исследования могут быть востребованы в преподавании профильных курсов в высших учебных заведениях при подготовке этноэкспертов и специалистов промышленных компаний, занимающихся вопросами взаимодействия с местным населением.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этнологическая экспертиза является одной из важных сфер практического применения этнологических знаний и в теории может сопровождать любые социально значимые проекты, в том числе законодательные акты, хозяйственные проекты, государственные программы, образовательные и культурные мероприятия, а также другие управленческие решения, реализация которых так или иначе влияет на конкретную группу людей (этническую общность, «население под воздействием», сообщество). Эта группа людей может состоять как из одной семьи, так и целого народа, ее члены могут иметь одинаковую или разную этническую идентичность,

основа объединения этой группы — интересы и/или права, которые могут быть затронуты в процессе реализации проекта.

2. Существование обширного спектра взглядов на феномен этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации говорит о ситуации научно-практического поиска. Эта ситуация, с одной стороны, характеризуется отсутствием четких целей, ясной терминологии, точных определений, которые необходимы в нормативной этике, а с другой — разнообразным опытом экспертных оценок и исследований, опыт и потенциал которых может стать основой дальнейшего развития этнологической экспертизы в России. К настоящему времени сложилось понимание необходимости и возможности применения этнологической экспертизы, во-первых, в отношении широкого круга социально значимых проектов, во-вторых, в отношении всех граждан РФ вне зависимости от их этнической принадлежности.

3. Одной из ключевых задач этнологической экспертизы является определение заинтересованных сторон, анализ их позиций, ожиданий, потребностей, поскольку именно на пересечении интересов возникают условия для конфликта и, соответственно, формулируются альтернативы для последующей выработки стратегических изменений. Процесс этнологической экспертизы предполагает взаимодействие всех действующих лиц: органов власти, промышленных компаний, населения, оказавшегося «под воздействием», научного сообщества, причем на всех этапах проведения экспертизы и реализации ее рекомендаций.

4. Несмотря на редкие случаи проведения этноэкспертиз на территории РФ, накоплен достаточно богатый опыт, который следует учитывать при совершенствовании законодательства. Разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать основой, на которой будут строиться отношения всех взаимодействующих сторон. Она призвана не только узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, в том числе положений, которые будут регулировать экспертные исследования и дадут возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов. Кроме того, нормативно-правовая база должна определить систему принципов, которыми будут руководствоваться все взаимодействующие стороны, и ту ответственность, которую они несут в случае их несоблюдения. При этом необходимо отрегулировать такие вопросы, как вовлеченность затронутого сообщества на всех этапах проведения экспертизы; общественное обсуждение результатов экспертизы; доступность результатов исследования; обязательный последующий мониторинг, который позволил бы вносить коррективы в принимаемые решения.

5. Процедура этнологической экспертизы не предназначена для решения всех социальных вопросов, однако как инструмент она позволяет выявить ряд ключевых проблем до их обострения, вовлечь сообщества в процесс предупреждения этих проблем и тем самым избежать возможных негативных последствий внешнего воздействия или, по крайней мере, предвидеть их и в какой-то мере редуцировать. Также экспертиза способна дать прогноз возможных последствий в этнокультурной сфере, если то или иное управленческое решение будет принято, предоставить информацию о том, насколько это решение соответствует определенным требованиям, при которых члены сообщества могут рассчитывать на защиту интересов, гарантию прав и реализацию своего этнокультурного потенциала.

6. Этнологическая экспертиза может считаться полновесной при условии охвата ею, по крайней мере, пяти вопросов: (1) состояние конкретной общности, (2) воздействие, (3) деформация, (4) сценарии, (5) рекомендации.

7. Опорной категорией и базовой ценностью для этноэкспертизы и ее рекомендаций следует считать этнокультурное наследие.

8. Фигура эксперта, в данном случае этнолога, является ключевой, поскольку качество экспертизы в значительной степени определяется его профессионализмом, готовностью к быстрому реагированию, взвешенностью и стойкостью в вопросах этики. Рефлексивность в контексте экспертизы является неотъемлемым компонентом, оказывающим влияние на ход экспертизы и ее реализацию.

Апробация и степень достоверности исследования. Степень достоверности диссертации подтверждается вводом в научный оборот нового материала. Основные положения исследования были представлены в докладах на международных и всероссийских конференциях и форумах: XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.), V Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 11–14 декабря 2019 г.), XI Сибирские чтения «Энергия Арктики и Сибири: ресурсы, технологии, инфраструктура» (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2019 г.), «Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока. Проблемы, гипотезы, факты» (Омск, 25–27 апреля 2018 г.), «Динамика этнокультурных процессов. Этнография в действии» (Санкт-Петербург, 18–21 апреля 2019 г.) и др.

Материалы и результаты исследований опубликованы в 14 научных публикациях, в том числе в одной коллективной монографии и 6 статьях в журналах списка ВАК и SCOPUS (см. список публикаций).

Основные направления диссертационного исследования нашли отражение в научно-исследовательском проекте «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (2016–2022) и исследовательских проектах, поддержанных грантами РФФИ.

Научно-практическая апробация выполнена в ходе исследовательских работ по историко-культурному обследованию территорий (2006, 2007, 2012), обследованию культовых объектов (2007), разработке научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест (2015, 2018), государственной историко-культурной экспертизе (2019), консультированию при проведении экспертно-аналитических исследований (2020).

Структура работы. Настоящая диссертация структурирована в три главы с параграфами в соответствии с поставленными выше задачами, имеет оглавление, введение, заключение, список сокращений, источников и литературы. Текст работы сопровождается иллюстративным материалом.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении дана общая характеристика работы: обоснована актуальность темы и степень ее изученности, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретические и методологические основы диссертационной работы,

аргументированы ее практическая значимость и научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «История научно-практических экспертиз» представлена картина исторического развития этноэкспертиз, зафиксированных наукой во времени: от ситуативного востребования привлечения этнологов-экспертов до формирования современных концепций и подходов.

В параграфе 1.1 «Предыстория» показано, что, если под этнологической экспертизой понимать характеристику состояния этнической общности по определенному заданию, то ее историю следует вести от истоков самой российской этнографии, выросшей как научное знание, необходимое для управленческих потребностей, самопознания и самоорганизации империи. Востребованность экспертного этнологического знания эпизодически проявлялась в различных сферах: экономике, управлении, судебной практике.

Всякий раз при смене власти наука о народах заново актуализировалась как технология «инвентаризации» людских, в том числе этнических, ресурсов, но в целом, до начала XX в. привлечение этнографов для решения практических задач носило ситуативный характер. Периодом плодотворного взаимодействия профессиональных этнологов и органов власти можно считать 1920-е гг., когда наблюдалась востребованность экспертного этнологического знания для изучения и описания этнического состава населения после создания нового государства.

Во параграфе 1.2 «Докладные записки: советская версия этноэкспертизы», основанном на анализе докладных записок (середина 1950-х — начало 1990-х гг.), исследована практика советской этноэкспертизы. Мониторинг состояния этнических общностей проводился как плановая долговременная экспертиза по единой программе на всем пространстве советского Севера. Этнографы, в целом следуя идеологическим и политическим установкам власти, пытались корректировать политику Советского государства по отношению к народам Севера. Основываясь на собственных экспертных обследованиях, они критиковали перевод на оседлость, внедрение на Севере южного аграрного производства, дефицит у администраторов этнографических знаний; обсуждали и предлагали нововведения в экономике, технике, материальной культуре и др. Советская этноэкспертиза служила своего рода «трансмиссией» между интересами советского государства и северных народов.

В параграфе 1.3 «Современные концепции и подходы» систематизированы различные теоретико-методологические основы этноэкспертиз, которые сформировались в постсоветском пространстве в результате возросшей востребованности экспертов-этнологов в институтах государственной власти.

Этноэкологический подход представлен в работах К. Б. Клокова, В. В. Степанова и их коллег. Другой подход, основанный на теоретико-методологических разработках и прикладном опыте систематических мониторинговых и экспертных этносоциальных исследований, складывался на базе Кемеровского государственного университета под руководством А. Н. Садового. Подход к этноэкспертизе, как к «механизму установления диалога» реализуется в работах Н. И. Новиковой, Е. П. Мартыновой. Системный подход к этнологической оценке лег в основу работ О. А. Мурашко. А. В. Головнёв рассматривает этнологическую экспертизу как метод

«позитивного действия по оптимизации межэтнической кооперации» и «активации этнокультурного потенциала».

В большинстве научных работ, посвященных этнологической экспертизе рядом с ней почти всегда стоит понятие «этнологический мониторинг». Он может использоваться как исследовательская процедура, рекомендованная этнологической экспертизой в виде контроля за внедренным проектом, так и в качестве самостоятельного исследования, например, для экспертизы этнокультурной и этноконфессиональной ситуации отдельных регионов (В. А. Тишков).

В параграфе 1.4 «Проблема законодательного закрепления этноэкспертизы» представлены основные моменты, демонстрирующие эволюцию процесса законодательного закрепления этноэкспертизы.

Все законотворческие инициативы, которые начались после закрепления статуса коренных малочисленных народов РФ на конституционном уровне (1993 г.) и преумножились с появлением определения этнологической экспертизы в Федеральном законе (1999 г.) были связаны с нормативно-правовым регулированием ответственности субъектов хозяйственной деятельности, осуществляющих освоение природных ресурсов перед местным сообществом. С тех пор неоднократно и безрезультатно предпринимались попытки совершенствования уже существующих законов, путем внесения изменений или разработки нового документа.

Согласно законодательству Республики Саха (Якутия), единственным субъектом РФ, где этноэкспертиза проводится в качестве государственной и регулируется на региональном уровне, следует различать два разных понятия: «государственную этнологическую экспертизу» и «оценку воздействия на этнологическую среду». Государственная этнологическая экспертиза является инструментом органа государственной власти, при котором исследуются материалы Оценки воздействия на этнологическую среду.

В параграфе 1.5 «Social Impact Assessment: международный экспертный опыт» показана сопоставимая зарубежная практика. SIA как методология применяется для понимания социальных проблем, связанных с реализацией проектов развития, и реагирования на эти проблемы. Она может выполнять роль механизма содействия социальной устойчивости и инструмента для позитивных социальных изменений.

SIA возникла в 1970-е гг. в США, постепенно она выросла в целую систему со своей стратегией и применяется во многих странах в самых различных сферах. Рассматриваются методы и инструменты, а также значение и проблемы методологии SIA. Основное внимание уделено исследованиям экспертов из международной Ассоциации по оценке воздействия, которые считают SIA практическим инструментом, помогающим удовлетворить сегодняшние потребности без ущерба для будущих поколений.

Глава 2 «Сценарии проведения экспертиз» посвящена анализу конкретных исследовательских стратегий. Выбранные для этого восемь этноэкспертиз рассматриваются как процессы от замысла до реализации. Основной акцент сделан на действующих лицах и заинтересованных сторонах, источниках и методах, диагностике и рекомендациях. В качестве вывода предлагается навигационная схема экспертизы.

В параграфе 2.1 «Действующие лица и заинтересованные стороны» рассматривается каким образом происходит определение всех заинтересованных сторон, анализ, учет, фиксация их интересов, ожиданий, потребностей. Опыт дает нам ряд инструментов: (1) делить территорию на зоны относительно уровня воздействия, с одной стороны, для того чтобы охватить максимальное количество населения, с другой, чтобы более конкретно представить интересы и четко выработать рекомендации; (2) представлять позиции сторон отдельным разделом; (3) изучать всех стейкхолдеров по единой методике и программе; (4) выделять области обоюдных интересов; (5) конструктивно сочетать ожидания сторон; (6) более конкретно оперировать цифрами.

Во всех рассмотренных случаях населением, попавшим в сферу воздействия, являлись коренные малочисленные народы, но там, где наряду с коренными, под влияние попадали и представители других народов, ведущие схожий образ жизни и природопользования, их интересы также учитывались.

Во параграфе 2.2 «Источники и методы» иллюстрируется как происходит экспертиза, включая полевые исследования и обработку материала, анализируется источниковая база и методы.

Объем и состав работ показывает, что этнологическая экспертиза как процесс является научным исследованием. Основным источником служат полевые исследования, отражающие текущую ситуацию, кроме них также следует привлекать архивные, визуальные, законодательные, кибер материалы. Общий алгоритм экспертизы во всех случаях может быть примерно одинаков, а выбор конкретных методов зависит от ситуации. Универсальными во всех экспертизах являются демографический анализ и качественное полевое интервью. Первый дает общую картину населения, попавшего под влияние, второй — демонстрирует индивидуальные и коллективные позиции, мотивы и настроения.

В параграфе 2.3 «Диагностика и рекомендации» показано, что сложность экспертизы связана с правильной диагностикой возможных социальных последствий, поскольку необходимо прогнозировать ситуацию на несколько лет вперед, просчитать изменения, которые коснутся в первую очередь критериев, не имеющих строгих количественных характеристик, а именно, как люди живут, работают, организуют свою повседневную жизнь, изменения, связанные с культурным воздействием, проявляющиеся в нормах и ценностях. Вне зависимости от типа воздействия (предполагаемого или осуществляемого), эксперт, учитывая, как правило существующие традиции и обычаи, а также мнения и предпочтения конкретного населения, чьи интересы затронуты, прогнозирует перспективы реализации того или иного проекта и исходя из этого, а также опыта схожих ситуаций, вырабатывает рекомендации.

Во всех рассмотренных случаях рекомендации так или иначе предполагали дальнейшее их использование для корректировки национальной политики и программ социально-экономического развития. Риторика сделанных предложений строилась на понимании ключевых проблем, но, к сожалению, чаще всего не обладала достаточной конкретикой. Вне зависимости от решаемой проблемы, во всех кейсах присутствовал вопрос компенсационных выплат. Важный момент, о котором

упоминают в рекомендациях — мониторинг, отслеживающий реализацию предложенных мер.

В параграфе 2.4 «Навигационная схема этноэкспертизы» показано, что этноэкспертиза, вне зависимости от фактора воздействия, территории и используемой методики, может считаться полновесной, если содержит в себе исследование пяти вопросов: (1) состояние конкретной общности; (2) воздействие; (3) деформация; (4) сценарии; (5) рекомендации.

Глава 3 «Этнокультурное наследие и миссия эксперта» основана на личном опыте автора и представляет собой вариант социально-антропологического анализа актуальных моделей взаимодействия локальных групп коренного населения ХМАО — Югры с добывающими компаниями. В заключительном разделе главы рассматривается роль эксперта как ключевой фигуры процесса экспертизы.

В параграфе 3.1 «Этнокультурное наследие как фундаментальная ценность этноэкспертизы» рассматривается понятие этнокультурного наследия, как совокупность материальных и нематериальных объектов, связанных с современной культурой и имеющих значимость для поддержания и развития самобытности народа.

Этнокультурное наследие может функционировать и развиваться как в естественной природной и социальной среде (так называемая живая культура), так и быть частью музейных коллекций или вышедших из бытования элементов культуры. Поскольку этнокультурное наследие тесно связано с его носителями, то выбор стратегии сохранения может зависеть от этнического состава населения и степени деградации тех компонентов культуры, которые обеспечивают самосохранение и идентичность этнических общностей.

Во параграфе 3.2 «Модели взаимодействия локальных групп коренного населения с добывающими компаниями (опыт Югры)» проиллюстрированы три случая. Первый посвящен земельному конфликту, возникшему между компанией ООО «КанБайкал» и коренными жителями р. Большой Юган. С давних времен эта территория считалась у хантов вотчиной духа-покровителя всей реки. В центре дискурса оказались возможная утрата символа традиционных верований, разрушение природного ландшафта и социальные перемены. В результате был разработан проект достопримечательного места, в котором объектом охраны выступает территория как целостная динамичная система природопользования и жизнеобеспечения этнической группы.

Второй является примером «удачного» проекта достопримечательного места — «Эвут Рап» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. Основой для его выделения стал комплекс культовых этнографических объектов и объектов археологического наследия, компактно расположенных в среднем течении р. Аган.

Третий основан на данных, полученных во время этнологических исследований, проведенных в рамках историко-культурной экспертизы. Показывает, что практика создания достопримечательных мест хоть и является успешной в сохранении ряда объектов этнологии и организации диалога между недропользователями и коренными жителями, но ограничена в своих возможностях, поскольку не во всех спорных ситуациях, касающихся земельных конфликтов, удается ее применить.

В параграфе 3.3 «Эксперт и экспертность: профессиональные компетенции и этические ориентиры» раскрывается роль эксперта как ключевой фигуры, определяющей содержание и качество экспертизы. Гарантом его объективных выводов служат этические и нравственные основы деятельности, которыми он руководствуется, а также профессиональная компетентность. Именно эксперт придает гибкость работе, поскольку в каждом конкретном случае делает выбор в пользу тех или иных методов исследования и адаптирует их.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. Этноэкспертиза, включая прикладные этнологические исследования в составе историко-культурной и экологической экспертиз, проводится в редких случаях, а ее результаты носят рекомендательный характер. В большинстве экспертиз делается акцент на исследовании традиционных культур, а в научном сообществе до сих пор встречаются мнения, что экспертиза должна проводиться исключительно в отношении коренных малочисленных народов, иначе она теряет свою специфику.

В этнологической экспертизе могут нуждаться любые граждане, если их интересы и/или права оказались затронуты внешним воздействием. При этом нет необходимости уходить от «этнизации». Всесторонняя проработка проблемной ситуации в измерениях этничности средствами этнографии и смежных дисциплин (истории, социологии, гуманитарной географии, экологии и др.), является преимуществом российской этноэкспертизы, поскольку подчеркивает значимость этнокультурного наследия и ресурса, культурного многообразия, лежащего в основании стабильного развития общества.

Области, в которых следует применять этноэкспертизу, разнообразны: от планирования и осуществления экономических, культурных и других программ до разрешения межэтнических конфликтов и противоречий. По сути, ее назначение — сопровождать любое управленческое решение и влиять на него, защищая, таким образом, интересы конкретных групп людей.

Очевидна необходимость формирования единой системы координат научных концепций для сопоставления результатов экспертиз между собой. Материалы проведенных экспертиз должны стать доступны как для ученых, так и для сообществ, в отношении которых они проводятся. Это сформирует корпус источников по современной этнокультурной обстановке в регионах, приведет к прозрачности и возможности использовать имеющийся опыт.

Для экспертной практики характерно отсутствие кодификации профессиональных и этических принципов. Между тем такой свод правил необходим для создания точки опоры и уменьшения риска ангажированности и личных амбиций. При этом регламентация не должна ограничивать возможности эксперта, обладающего личным опытом и знанием конкретной ситуации, иначе она лишит экспертизу гибкости и точности применительно к конкретной ситуации.

С помощью фундаментального научного знания в процессе экспертизы решается конкретная практическая задача. В зависимости от контекста и задач конкретной ситуации может меняться форма самой экспертизы, либо форма исследования, на основании которого она выполнена. Каждый конкретный случай, будь то вопрос межнациональных отношений или сохранение этнокультурного наследия, определяет свой набор исследовательских процедур.

При совершенствовании законодательства с целью гарантирования прав и защиты интересов граждан РФ следует опираться на накопленный опыт, в том числе мировой. Разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать фундаментом, на котором будут строиться отношения всех взаимодействующих сторон. Она призвана не только узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, который будет регулировать экспертные исследования и даст возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов. Необходимо отрегулировать такие вопросы, как вовлеченность затронутого сообщества на всех этапах проведения экспертизы; общественное обсуждение результатов экспертизы; доступность результатов исследования; обязательный последующий мониторинг.

Сама процедура этнологической экспертизы не решает все этнокультурные проблемы. Но как инструмент, в случае принятия того или иного управленческого решения, она может предоставить информацию о возможных последствиях в этнокультурной сфере, в том числе насколько это решение соответствует определенным требованиям, при которых члены сообщества могут рассчитывать на защиту интересов, гарантию прав и реализацию своего этнокультурного потенциала.

Личный опыт показал, что опорной категорией и базовой ценностью для этноэкспертизы и ее рекомендаций следует считать этнокультурное наследие, которое связано с современной культурой и имеет значимость для поддержания и развития самобытности народа.

Любая этноэкспертиза, при должном ее выполнении, обладает положительным потенциалом, улучшая качество жизни общества. Это обусловлено тем, что она ориентирована не только на настоящее, но и на будущее, выходя за пределы временных (предполагаемый период разработки и реализации конкретного проекта) и пространственных (регион проведения) рамок. Учитывая быстро меняющуюся ситуацию, сама экспертиза как методология требует постоянного развития — эти векторы должны совпадать, чтобы приносить реальный результат. Для этого необходимо делиться опытом, изучать и совершенствовать методы, проводить исследования «ex post».

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях

(общий авторский вклад — 8,95 п.л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:

1. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134. (авт. вклад — 1 п.л., Scopus);

2. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое сообщество // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 116–123. (авт. вклад — 1 п.л., Scopus);

3. Котел в культуре обских угров и самодийцев: археологический артефакт и «живая» традиция // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 152–164. (в соавт. с Е. В. Переваловой; общ. вклад — 1 п.л., авт. вклад — 0,5 п.л., Scopus);

4. Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 116–126. (в соавт. с Е. В. Переваловой; общ. вклад — 1 п.л., авт. вклад — 0,5 п.л., Scopus);

5. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143. (в соавт. с А. В. Головнёвым; общ. вклад — 1 п.л., авт. вклад — 0,5 п.л., Scopus);

6. Social Impact Assessment: международный экспертный опыт // Этнография. 2022. № 2(16). С. 25–46. (авт. вклад — 1,5 п.л., Scopus);

Глава в коллективной монографии:

7. Юганские ханты и нефть: стратегия сосуществования // «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы». М.: ООО «Типография «Демос», 2019. С. 43–69. (в соавт. с Д. А. Функом, В. В. Поддубиковым, Е. В. Миськовой и др.; общ. вклад — 25,35 п.л., авт. вклад — 1,5 п.л.);

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

8. Земля покровителя Большого Югана на грани перемен // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2018. Вып. 16. С. 124–140. (авт. вклад — 0,8 п.л.);

9. Культовый ансамбль Середина Агана (этноэкспертиза 2015 года) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.). Омск: Издатель-полиграфист, 2018. С. 228–229. (авт. вклад — 0,25 п.л.);

10. «Международная модель» этнологической экспертизы // Этнография: материалы 56-й междунар. науч. студ. конф., 22–27 апреля 2018 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 62–63. (авт. вклад — 0,1 п.л.);

11. Этнокультурное наследие: определение и нормативно-правовая база // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2019. Вып. 17. С. 53–63. (авт. вклад — 0,5 п.л.);

12. Сосуществование нефти и хантов: кейс-стади яун-ях // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г.. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. (авт. вклад — 0,1 п.л.);

13. Роль исследователя в провокации этнического ренессанса: на примере работ на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // V Северный археологический конгресс. Тезисы докл. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: ООО Универсальная тип. «Альфа-Принт», 2019. С. 410–412. (авт. вклад — 0,2 п.л.).

14. Хештеги и этничность // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 33–61. (в соавт. с С. Ю. Белоруссовой, М. Э. Сысоевой; общ. вклад — 1,7 п.л., авт. вклад — 0,5 п.л., Scopus).